

ДАЙ, ОТВѢДАЮ!

У иныхъ рекрутовъ есть преглупая привычка — брать все, что ни попало, на языкъ: нашель въ бумажкѣ, гдѣ-нибудь, какой-то порошокъ: «Что-де такое это?... дай, отвѣдаю!...» Нашель завалящую стклянку съ чѣмъ-нибудь, — тряхнетъ на свѣтъ, откупорить, понюхаетъ, да и глотнетъ; если не покажется, такъ выплюнетъ, а если, не дереть кожи съ языка, такъ и проглотить! Однако это не всегда ладно съ рукъ сходить, и не разъ бывала отъ этого бѣда, и большая! Развѣ всякое снадобье на то поставлено, положено, или брошено куда-нибудь, чтобы всякий пришелъ да пробовалъ его?... А развѣ мало и такихъ бываетъ снадобьевъ, что зерно съѣшь, такъ покоробить тебя и въ дугу сведеть?... Развѣ мало такого зелья на свѣтѣ, что и не отплюешься послѣ, какъ въ ротъ его возьмешь, и вѣкъ пойдешь няньчится съ лихою болѣстью? Хорошо еще, когда ты, какъ одинъ деньщикъ, въ

потьмахъ, не подумавши, ваксы хватиши изъ бутылки, вмѣсто квасу, да отъ купоросу немного похвораешь — ну, тѣмъ и кончится. А если, какъ случилось другому, хлебнешь чистаго купороснаго масла, да пролежиши недѣль шесть въ госпиталѣ безъ языка, а потомъ всѣ зубы почернѣютъ и выкрошатся?... Недавно былъ случай еще и хуже того. На стеклянныхъ заводахъ обыкновенно держать мышьякъ, затѣмъ что онъ идетъ въ стекло, и называютъ его, просто «бѣлымъ камнемъ». Тамъ всякий знаетъ его и осторегается; а пришелъ посторонній человѣкъ, смотрѣль все, разспрашивалъ, и думаетъ: «Что за бѣлый камень? Мѣль не мѣль и пемза не пемза; дай, отвѣдаю.» Да и отвѣдалъ! Что жъ изъ этого вышло?... На силу добрель до дому, и всю ночь благимъ матомъ прокричаль, а тамъ вскорѣ легко стало — и замолкъ, когда его обмыли, да положили на столъ. Вотъ—те и отвѣдаю!

В. ЛУГАНСКІЙ